

Протасеня Нина Сергеевна

соискатель, старший преподаватель
кафедры китайской филологии
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Nina Protasenya

Degree-Seeking Applicant,
Senior Lecturer
of the Department
of Chinese Philology
Belarusian State University
Minsk, Belarus
nlprotasenya@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО КОДА
В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**
(на фоне русской и белорусской лингвокультур)

**ARCHITECTURAL CODE REPRESENTATION FEATURES
IN CHINESE LINGUOCULTURE**
(Against the Background
of Russian and Belarusian Linguocultures)

В статье представлен общий обзор фразеологических единиц, репрезентирующих архитектурный код культуры в русском, белорусском и китайском языках. Более подробно изложены результаты лингвокультурологического анализа китайских фразеологизмов с компонентами – названиями каркасных конструкций. В рамках исследования данной группы фразеологических единиц выявлены этноспецифические особенности реализации архитектурного кода в китайской лингвокультуре.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *лингвокультура; архитектурный код; фразеологические единицы; балка; коньковый прогон, столб.*

The article provides a general overview of phraseological units representing the architectural code of culture in the Russian, Belarusian and Chinese languages. The results of a linguocultural analysis of Chinese phraseological units containing components – names of frame structures – are presented in more detail. Within the framework of the units phraseological group study entospecific features in the implementation of the architectural code in Chinese linguistic culture have been identified.

К e y w o r d s: *linguistic culture; architectural code; phraseological units; beam; purlin; pillar.*

Культурные коды занимают важное место в организации языковой картины мира и комплексно исследуются представителями лингвокультурологических школ (Д. Б. Гудковым, М. Л. Ковшовой, В. В. Красных, О. А. Лещинской, В. А. Масловой, М. В. Пименовой, В. М. Савицким, В. Н. Телия и другими учеными). В лингвокультурологии термин *код культуры* трактуется как «исторически сложившаяся нормативно-ценностная символическая система вторичного означивания, несущая в себе культурную информацию о мире и социуме, структурирующая, организующая этнокультурное сознание и проявляющаяся в процессах категоризации мира (в том числе – в процессах языкового миромоделирования» [1, л. 20].

Архитектурный код реализуется в тех именах строений, их частей и прилегающих к ним территорий, которые, помимо первичного номинативного, обладают еще и переносным образным значением и выступают как знаки вторичной семиотической системы. Наиболее ярко культурно значимые смыслы единиц архитектурного кода реализуются во фразеологизмах (в широком понимании термина – включая поговорки), что обусловлено тропической природой их внутренней формы.

Как показывает анализ идеографических, толковых и фразеологических словарей сопоставляемых языков, в архитектурном коде особое место занимают наименования следующих конструктивных элементов дома и прилегающей территории: *дверь, ворота, порог, стена, забор, крыша, окно*. Фразеологизмы с данными компонентами наиболее ярко демонстрируют процесс образования вторичных значений, которые включают культурные смыслы, связанные с окружающим миром, человеком и его деятельностью. Поясним сказанное на примере фразеологизмов с компонентами *дверь, ворота, порог, стена, забор, крыша, окно*.

Дверь, ворота/дзверы, вароты/]. В трех культурах ворота и дверь символически передают идею размежевания «своей» и «чужой» территории или соединения пространств, могут кодировать как положительные, так и отрицательные стороны взаимодействия людей друг с другом и с окружающим миром: а) гостеприимство, желание вступить в контакт (русск. *Для дорогого гостя и ворота настежь*; бел. *Для дарагога гостя і вароты насцеж*; *过门都是客* ‘быть гостеприимным к каждому, кто оказывается возле входа в дом’ (букв. ‘проходящие мимо ворот – все гости’)); б) отказ от потенциальных контактов, лишение каких-либо возможностей (русск. *от ворот поворот*; бел. *ад варот паварот каму*; кит. *闭门谢客* ‘отвергать контакты с внешним миром’ (букв. ‘запереть двери и отказывать в приеме гостям’)); в) разрыв уже существующих контактов (русск. *выбрасывать / выбросить / выкидывать / выкинуть / вышвыривать / вышвырнуть за ворота кого-л.*; бел. *выкідванне за вароты каго, выкідваць / выкінуць за вароты каго*; кит. *扫地出门* ‘избавиться от всего; лишиться всего семейного имущества и выгнать из дома с пустыми руками’ (букв. ‘подмести и вымести за дверь’)).

Фразеологический фонд каждого из трех языков представляет ворота и дверь как символ перехода в загробный мир: русск. *Узкая дверь в могилу, а вон – и той нет*; бел. *Шырокія вароты на той свет, ды адтуль не выйсьці*; кит. *进鬼门关* ‘умирать; перенести страдания и трудности’ (букв. ‘войти в ворота заставы бесов’). В архитектурном коде китайской лингвокультуры образ дверей символизирует вхождение человека в духовную сферу, связан с буддийской практикой самосовершенствования: *师父领进门, 修行在各人* ‘наставник играет лишь направляющую роль в овладении знаниями, решающими являются собственные старания’ (букв. ‘наставник подводит к двери, человек сам изучает буддийскую веру’). Дверь также связана с идеей семей-

но-родовой и социальной общности: 寒门生贵子, 白屋出公卿 ‘в бедных семьях часто рождаются выдающиеся люди’ (букв. ‘[за] холодными дверями рождается благородный сын, в домах с белыми стенами рождаются гуны и цины’); 一进门同气 ‘близкие отношения и братские чувства между братьями или людьми одной системы взглядов’ (букв. ‘одна дверь, одинаковая духовная близость’).

Порог/парог/门槛/门坎/门限. В русской и белорусской культурах порог (как и дверь, ворота) выступает в роли символа, репрезентирующего границу дома. Ср. фразеологизмы, связанные с пространственно-временным противопоставлением «начало – конец пребывания в жилище»: *переступить / перейти и т. п. чей-л. порог; за порогом (быть, находиться и т. п.), за порог (ступить, уйти и т. п.); пераступаць / пераступіць парог чый, чаго.*

В архитектурном коде русской и белорусской лингвокультур порог символизирует пространственно-временную близость, служит обозначением начала: *что-л. (стоит, встанет и т. п.) на пороге, у порога* ‘о том, что должно очень скоро наступить’; *с порога* ‘сразу же после прихода куда-л.’; *споткнуться на пороге* ‘совершить ошибку, промах в самом начале какого-л. дела’; *на парозе* ‘вельмі хутка, у самы бліжэйшы час наступіць, будзе што-н.; напярэдадні чаго-н., непасрэдна перад тым, што надыходзіць, наступае’; *з парога* ‘адразу і рашуча, без разважанняў (заяўляць, адмятаць і пад.)’.

С порогом связаны многочисленные ритуально-обрядовые действия, основанные на представлении о сакральности его функции как границы. Велика роль порога в бытовом этикете и ритуалах при вступлении в дом или уходе из дома: «Перед порогом следует остановиться, помолиться, особенно при входе в чужой дом» [2, с. 173]. Ср.: рус. *Без Бога ни до порога*; бел. *Без бога ні да парога* ‘кажуць, калі трэба сцвердзіць, што без Бога як вярхоўнай істоты і кроку не ступіш, што ўсё падуладна Богу’. С порогом также соотносятся различные запреты, действующие на уровне повседневных стереотипов поведения: *Через порог не здороваться, не беседовать; Через порог руки не подают; На пороге не стоят; Ад парога падлогу не мятуць.*

В китайской лингвокультуре порог символизирует предел: 铁门限 ‘конец и предел человеческой жизни’ (букв. ‘железный порог’). В некоторых фразеологизмах акцентируется внимание не только на семантике предела, но и подчеркивается максимальная или минимальная граница объекта: 门槛高 ‘выдвигать высокие требования’ (букв. ‘высокий порог’); 降门槛 ‘ослабить требования; снижение цен для расширения числа потребителей’ (букв. ‘снизить порог’). Высокий порог также может символизировать богатство, высокий социальный статус: 门槛高 ‘высокое положение, могущество’ (букв. ‘высокий порог’); 爬高门坎儿 ‘заискивать, лебезить перед влиятельными людьми’ (букв. ‘лезть на высокий порог’).

Стена, забор/сцяна, мур, плот/墙/壁/篱/篱笆. В трех лингвокультурах стена и забор маркируют «свое» или освоенное пространство и символизируют защищенность человека (рус. *И стены в доме помогают; Забор*

высок – не увидишь; Без забора [да] без запора не уйдёшь (не спасешься) от вора; бел. Дома і вуглы (сцены) памагаюць; як за плотам ‘пра надзейнае, абароненае пачуванне сябе дзе-н.’; кит. 铜墙铁壁 ‘крепкая, неразрушимая защита’ (букв. ‘медные стены, железные валы’); 篱牢犬不入 ‘если защитные меры эффективны, то никто не сможет найти лазейку’ (букв. ‘забор прочный, собака не влезет’)).

Стена как эталон прочности может кодировать сильные стороны человека и его деловые качества: русск. *(чувствовать себя за кем) как за каменной стеной*; бел. *За мужыковай спіной як за сцяной; як за мурам; 一面墙能挡八面风* ‘один человек может справиться с разными делами’ (букв. ‘одна стена может защищать от ветра, дующего со всех сторон’). Ср. схожие фразеологизмы с компонентом *забор*: рус. *Плохой муж не забор, а все-таки ограда* ‘даже плохой муж – защита жены’; бел. диалектн. *За добрым чловеком ек за плотом, а за нехорошым – ек за частоколом* ‘пра жыццё за рознымі мужамі’.

В трех лингвокультурах стена представлена как символ сплоченности и надежных взаимоотношений между людьми: рус. *хорошая дружба крепче каменных стен*; бел. *дружба мацней каменных сцен*; кит. *土帮土成墙, 穷帮穷成王* ‘сплотившись воедино, можно успешно завершить дело’ (букв. ‘земля прилипает к земле и образует стену, бедняк помогает бедняку и становится правителем’).

Будучи амбивалентной единицей культурного кода, стена может транслировать и противоположные смыслы – выступать, в частности, символом препятствия: рус. *лбом стены / стену не прошибешь*; бел. *галавою / ілбом сцяны / сцяну / муру / мур не праб’еш*; кит. *碰南墙* ‘столкнуться с препятствиями, трудностями или неудачами’ (букв. ‘натолкнуться на южную стену’).

Образ стены в силу ее объективных характеристик (твердости и непроницаемости) может выступать эталоном проявления упрямства: рус. *как / об стенку горох; как от / стены горох*; бел. *не прыстае як да сцяны гарох; што гарох аб сценку; так да каго [прыстае] як да сцяны / аб сцяну гарох; казаць як гарохам аб сцяну; 一头撞到南墙* ‘человек, который упрям, своенравен и не сгибаем; действует безрассудно и никогда не раскаивается, даже если потерпит неудачу’ (букв. ‘головой стукнуться о южную стену’).

Естественные объективные функции стены и забора – разделение и ограждение – становятся культурно значимыми признаками, вследствие чего у лексем формируется символическое значение изоляции, уединения, а также ограничения взаимодействия с другими людьми: рус. *в четырех стенах сидеть, жить* и т. п.; *стена равнодушия, недоверия, непонимания, неприязни, молчания*; *С соседом дружись, а забор городи*; бел. *у чатырох сценах ся-*

дзець, жыць і пад.; *сцяна маўчання*; кит. 杜牆不出 'не выходить и прекратить общение с внешним миром' (букв. 'затвориться в стенах и не выходить'); 好兄弟高打牆, 亲戚朋友远离乡 'родные братья и близкие друзья должны соблюдать определенную дистанцию, чтобы предотвратить конфликты из-за слишком близкого общения' (букв. 'братья возводят высокие стены, родственники и друзья держатся вдали от дома'); 有好篱笆才有好邻居 'хорошие взаимоотношения могут быть достигнуты, если сдерживать и ограничивать друг друга' (букв. 'только при хорошем заборе можно иметь хороших соседей').

Крыша/дах, страха/屋. В архитектурном коде русской и белорусской лингвокультур крыша символизирует единение (*жить под одной крышей; пад адным дахам (пад адной страхой) жыць / пражыць*); метонимически замещает дом и отражает стереотипные представления о ценности «своего» пространства: *Каждому нужна своя крыша над головой; Свая стрэха – свая ўцеха*.

Для китайских фразеологизмов, внутренняя форма которых опирается на образ крыши, актуальна семантика оценки уровня благосостояния человека (*土阶茅屋* 'убогое жилище; жить скромной жизнью или в бедности' (букв. 'земляные ступени, соломенная крыша')) и трудных ситуаций (*屋漏又遭连阴雨* 'непрерывно попадать в беду, обстановка ухудшается' (букв. 'крыша протекает, да еще и затяжной дождь'))).

Окно/акно/窗. В русской и белорусской лингвокультурах окно выступает как символ связи с внешним миром: *окно в мир; АДЧЫНЯЦЬ / РАСЧЫНЯЦЬ / АДЧЫНІЦЬ / расчыніць акно ў свет (які, каму)*. Окно осмысливается как проводник света, который обеспечивает непрерывную связь с солнцем. Свет, проникающий в окно, является символом надежды: *И в мое оконце засветит солнце; ЗАГЛЯНЕ СОНЦА і ў наша ваконца*. В китайском языке окно как источник света и в то же время трудностей и лишений является образной основой фразеологизмов, описывающих интеллектуальную деятельность человека: *十年寒窗* 'долгая и тяжелая учеба' (букв. 'десять лет у холодного окна').

梁 'балка', 栋 'коньковый прогон', 柱 'столб'. Остановимся подробнее на характеристиках данных единиц, поскольку они составляют наиболее яркую отличительную особенность архитектурного кода китайской лингвокультуры¹. Это обусловлено национальной спецификой традиционной архитектуры Китая: «Главным конструктивным элементом здания выступает каркас, состоящий из столбов-балок и балочных перекрытий, которые и при-

---

¹ В нашем материале имеется только шесть русских фразеологизмов с компонентами *матица* 'потолочная балка, основа для крыши' и *балка*.

нимают на себя всю тяжесть кровли (крыши)» [3, с. 234]. Балка, столб, а также коньковый прогон (как разновидность балки) выступают в качестве символов опоры и прочности. Данные конструктивные элементы дома нередко задействованы в описании важнейших положительных характеристик человека: «Балке в крыше уподобляется крупный чиновник государства; о каком-нибудь сановнике говорится, что он словно столб в доме – убрать его невозможно» [4, с. 120].

При сооружении каркаса особое внимание уделялось балкам и коньковому прогону (коньковой балке), которые обеспечивали надежность кровли и в силу этого считались символами благополучия семьи. С этими представлениями связаны некоторые обрядовые действия: «В народе, когда в новом доме устанавливают балку, принято приглашать родственников и друзей, чтобы отметить данное событие. На двери также вывешивают благоприятные и счастливые надписи, такие как: «утреннее солнце восходит над крышей, цзывэй (название созвездия) обвивает **балки**», «сорока щебечет на **балке**, разноцветные облака поднимаются над **столбами**», «люди едины и **коньковая балка** прямая, процветает мир и процветает семейное дело»» [5, с. 194].

В материал исследования мы включили китайские фразеологизмы, содержащие как односложные, так и двусложные слова: 梁 ‘балка’¹; 梁木 ‘балка’; 栋 ‘коньковый прогон’, 栋梁 ‘коньковая балка’, 大梁 ‘коньковая балка’, 正梁 ‘коньковая балка’²; 柱 ‘столб’; 柱子 ‘столб’³. Языковой материал был извлечен из 5 фразеологических словарей китайского языка [7], [8], [9], [10] (основные источники для сплошной выборки), [11] (дополнительный источник). В результате анализа 74 фразеологических единиц, отобранных в соответствии с указанными выше параметрами, было выделено семь семантических объединений. Количественное распределение материала исследования по данным семантическим группам показано в таблице. Относительное количество в процентах отражает долю данных единиц в рамках подкорпуса фразеологизмов, включающих образы балки, конькового прогона и столба в китайской лингвокультуре.

---

¹ Лексема 梁 в толковом словаре китайского языка семантизируется как ‘длинный несущий элемент, расположенный горизонтально. Длинные брусья в деревянном каркасе крыши, которые укладываются вдоль передней и задней оси и опираются на столбы’ [6, с. 814]. При семантизации фразеологизмов мы используем переводческое соответствие *балка*.

² Лексемы 栋, 栋梁, 大梁, 正梁 семантизируется как ‘самый верхний горизонтальный брус, установленный на стропильной ферме или фронтоне’ [6, с. 613]. При семантизации фразеологизмов мы используем переводческое соответствие *коньковый прогон, коньковая балка*.

³ Лексемы 柱, 柱子 семантизируется как ‘вертикальный несущий элемент здания, изготовленный из дерева, камня, стали, железобетона и др.’ [6, с. 1715]. При семантизации фразеологизмов мы используем переводческое соответствие *столб*. В научной литературе архитектурной тематики также встречаются переводческие соответствия: *опора, колонна*.

Фразеологическая активность единиц архитектурного кода
китайской лингвокультуры
(в рамках семантических групп)

Название семантической группы	Количество единиц		
	Балка	Коньковый прогон/коньковая балка	Столб
Характеристики человека и его деятельность	16 (45,7 %)	15 (65,3 %)	11 (68,8 %)
реалии и явления окружающего мира	9 (25,7 %)	3 (13,1 %)	2 (12,5 %)
Взаимоотношения и взаимодействие людей	5 (14,2 %)	1 (4,3 %)	2 (12,5 %)
Область духовной культуры и мировоззрения	2 (5,7 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Социальный статус и уровень благосостояния человека	1 (2,9 %)	2 (8,7 %)	1 (6,2 %)
Пространственные и временные отношения	1 (2,9 %)	1 (4,3 %)	0 (0 %)
Трудные ситуации и угрозы благополучию	1 (2,9 %)	1 (4,3 %)	0 (0 %)
Всего:	35	23	16

В настоящей статье нашел отражение лингвокультурологический анализ семантической группы, интерпретирующей качества и деятельность человека (наиболее представительной в количественном отношении – 42 единицы из 74).

В семантике многих китайских фразеологизмов запечатлено анимистическое восприятие мира, позволяющее уподоблять человека части строения. С образами коньковой балки, прогона и столба, обеспечивающих устойчивость всего здания, связаны представления о человеке высоких умственных и нравственных качеств, способном взять на себя роль руководителя. В связи с этим перечисленные архитектурные компоненты обладают символическими значениями ‘столп (опора) государства’, ‘человек государственного ума’, ‘государственный деятель’. Ср.: 国家栋梁 ‘человек, который берет на себя важные государственные обязанности’ (букв. ‘коньковая балка государства’); 泰山梁木 ‘человек, взявший на себя серьезную задачу; выдающаяся личность’ (букв. ‘гора Тайшань и балка’); 厚栋任重 ‘только добродетельный и талантливый человек может исполнять важные должностные обязанности’ (букв. ‘толстый коньковый прогон выдерживает тяжелую ношу’); 顶柱子 ‘человек, который играет ключевую роль и может взять на себя большую ответственность’ (букв. ‘поддерживающий столб’).

Анимистические представления также отражены во фразеологизмах, образно выражающих смерть значимой личности: 大殿倒了正梁子 ‘утрата лидера’ (букв. ‘в главном зале рухнула коньковая балка’); 栋折榱崩 ‘скончался великий деятель’ (букв. ‘коньковый прогон сломался, стропила обрушились’).

Фразеологизм *劈了大梁当烧火棍* ‘неэффективно использовать талантливых людей’ (букв. ‘расколоть коньковую балку и использовать ее в качестве кочерги’) содержит метафору, уподобляющую поведение, губящее дарования и способности человека, неправильному использованию балки. Образ фразеологизма выражает стереотипное представление о недооценке людей и неэффективном использовании человеческих ресурсов. Ср. противоположный по значению фразеологизм, в котором второстепенная роль стропил по отношению к роли столба как главного опорного элемента метафорически означает завышенную оценку человека с заурядными способностями: *束椽为柱* ‘использовать малоспособного человека для высоких целей’ (букв. ‘связка стропил в качестве столба’).

Надежность балочно-стоечной конструкции в значительной степени зависела от используемого материала, что и отразилось в архитектурном коде культуры. Подходящий для изготовления балок материал выполняет роль эталона при оценивании интеллектуальных способностей человека, символизирует выдающийся ум, высокий интеллект и сильную волю: *栋梁之才* ‘человек, который может взять на себя важные государственные обязанности’ (букв. ‘лес для коньковых прогонов и балок’).

В большинстве фразеологических единиц, реализующих архитектурный код, эталоном низкого уровня интеллектуальных данных выступает некачественный или ненадежный материал для создания и возведения балок и столбов: *无根的浮萍, 长不成栋梁之材* ‘непрочная основа, легкомысленный характер, человек, из которого ничего не выйдет’ (букв. ‘бескорневая ряска не может вырасти и стать лесом для коньковых прогонов и балок’); *腐木不可以为柱* ‘совершенно бездарный и неспособный человек не сможет занимать крупную должность, и его нельзя наделить серьезными полномочиями’ (букв. ‘из гнилого дерева столба не сделаешь’).

Во фразеологизме *扶梁易柱* ‘очень сильный’ (букв. ‘поддерживать руками балки, заменять столбы дома’) образ человека, способного принять на себя тяжесть балки, выступает в качестве эталона большой физической силы. Сильное и выносливое тело человека уподобляется стене, укрепленной столбом. Так, в основе чэньюя *壁里安柱* ‘укреплять организм, укреплять тело’ (букв. ‘установить столб внутри стены’) лежит аналогия «внутренняя основа человеческой силы – столб внутри стены».

Во фразеологизмах с компонентами *балка* и *столб* отражены также и отрицательные характеристики человека и его поведения. В рамках фразеологизма *跳梁小丑* (букв. ‘клоун, прыгающий на балке’) взаимодействуют образы балки, символизирующей организованность, порядок, и клоуна как эталона неподобающего, несерьезного поведения, приводящего к беспорядку и хаосу. В результате формируется значение ‘плохой человек, который создает беспорядок и бесполезен для общества’.

Будучи ключевыми конструктивными элементами, балки и столбы не только служат опорой, но и обеспечивают идентичность здания. Их повреждение или изменение метафорически переосмысливается как коренное изменение ситуации. Ср. чэньюй 偷梁换柱 ‘обманывать, тайно изменить содержание вещей или характер дела’ (букв. ‘украсть балки и заменить столбы’).

Лингвокультурный потенциал единиц 梁 ‘балка’ и 大梁 ‘коньковая балка’ раскрывается и в образном порицании человеческих пороков, таких как избыточная самоуверенность и высокомерие. Ср., 房梁上搁尿盆 – 架子不小 ‘высокомерное поведение’ (букв. ‘на балке дома поставить ночной горшок – полка немаленькая’); 抓个麻雀放在大梁上 – 鸟不大, 架子可不小 ‘человек низкого статуса и положения, но держится надменно’ (букв. ‘схватить воробья и посадить на коньковую балку – птица небольшая, полка немаленькая’). Создание метафорических образов фразеологизмов обеспечивает антитеза, в которую, помимо балки, вовлекаются другие единицы, не менее насыщенные культурной информацией, но с уничижительной оценкой (балка vs ночной горшок, балка vs воробей). Сходным образом может быть охарактеризован человек, берущийся не за свое дело. Так, в пословице 骆驼上梁儿,麻雀儿生鹅蛋 ‘заниматься тем, что не по силам; много говорить по мелочам и преувеличивать’ (букв. ‘верблюд залазит на балку, воробей откладывает гусиное яйцо’) взаимодействуют компоненты архитектурного (балка) и зооморфного (верблюд, воробей) кодов, создающие образ абсурдного поведения, результатом чего является усиление поучительного эффекта. О продуктивности взаимодействия кодов свидетельствует также образный потенциал оппозиции «столб vs стрекоза» в полисемичном фразеологизме 蜻蜓撼石柱 (букв. ‘стрекоза толкает каменный столб’). С одной стороны, столб выступает в качестве эталона твердости и устойчивости, а с другой – коннотирует огромный масштаб усилий, необходимых для решения задачи. Стрекоза же как элемент зооморфного кода выступает эталоном малого и слабого существа. В первом семантическом варианте фразеологизма реализуются смыслы, подобные рассмотренным выше, – ‘переоценить свои силы’; во втором варианте (‘спокойный, неподвижный’) акцент внимания смещается на единицу архитектурного кода – столб, символизирующий стабильность. Как видим, во фразеологизме реализуются важнейшие архетипические оппозиции «легко – тяжело» и «большой – маленький».

Проведенный анализ позволяет утверждать, что единицы 梁 ‘балка’, 栋 ‘коньковый прогон’, 柱 ‘столб’ обнаруживают высокую фразеологическую активность в рамках анализируемой семантической группы и составляют специфику реализации архитектурного кода в китайской лингвокультуре (на фоне русской и белорусской). Выявлены следующие культурно значимые смыслы названных компонентов: ‘основа’, ‘ключевая опора’, ‘главная сила’,

‘выдающийся государственный деятель’, ‘руководитель, лидер’. Эти символические значения в ряде случаев основываются на оппозициях «большой – маленький», «значимый – незначимый», «легко – тяжело».

ЛИТЕРАТУРА

1. Капелюшник, Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Капелюшник Евгения Владимировна ; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. – Томск, 2012. – 199 л.
2. Славянские древности : этнолингв. слов. : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2014. – Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито). – 2009. – 649 с.
3. 玛丽娜 克拉夫佐娃. 中国文化概论: 俄语 / 玛丽娜 克拉夫佐娃, 张冰. – 北京: 北京大学出版社, 2020. – 346 页. = Кравцова, М. Очерк культуры Китая: русская версия / М. Кравцова, Чжан Бинчжу. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2020. – 346 с.
4. Хуан Шуин. Древнекитайский язык. Тексты, грамматика, лексический комментарий : учебник / Хуан Шуин, М. В. Крюков – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издат. дом ВКН, 2020. – 536 с.
5. 汉字中的古代建筑 / 陈鹤岁著. – 天津 : 百花文艺出版社, 2004. – 227 页. = Древняя китайская архитектура в иероглифах / сост. Чэнь Хэсуй. – Тяньцзинь : Изд-во лит. и искусства Байхуа, 2004. – 227 с.
6. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. – 7版. – 北京 : 商务印书馆 2016. – 1800 页. = Словарь современного китайского языка / Лингвист. исслед. ин-т Кит. акад. обществ. наук. – 7-е изд. – Пекин : Коммер. изд-во, 2016. – 1800 с.
7. 中华成语辞海 / 主任陈霞村. – 长沙 : 湖南教育出版社, 2014. – 16, 1796 页. = Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяцунь. – Чанша : Изд-во «Просвещение Хунань», 2014. – 16, 1796 с.
8. 谚语大词典 / 高歌东主编. – 2版. – 成都 : 四川辞书出版社, 2022. – 36, 1049 页. = Большой словарь пословиц / гл. ред. Гао Гэдун. – 2-е изд. – Чэнду : Изд-во словарей Сычуань словарь, 2022. – 36, 1049 с.
9. 汉语惯用语词典 / 黄斌宏主编. – 北京 : 商务印书馆, 2009. – 13, 1504 页. = Словарь привычных выражений китайского языка / гл. ред. Хуан Биньхун. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2009. – 13, 1504 с.
10. 新华歇后语词典 / 温端政主编. – 北京 : 商务印书馆, 2008. – 13, 646 页. = Словарь недоговорок-иносказаний / гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2008. – 13, 646 с.
11. 俗语大词典 / 温端政主编. – 北京 : 商务印书馆, 2015. – 12, 2522 页. = Большой словарь поговорок / гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2015. – 12, 2522 с.

Поступила в редакцию 01.04.2025